

ИСКАЖЕНИЕ ЭГО В ТЕРМИНАХ ИСТИННОГО И ЛОЖНОГО Я*

ДОНАЛЬД В. ВИННИКОТТ

Ниже впервые на русском языке публикуется одна из наиболее глубоких работ Дональда Винникотта, посвященная генезису истинного и ложного в человеке. Публикация сопровождается размышлениями, которые эта статья вызвала у доктора богословия и медицины, психоаналитика, священника о. Василиоса Термоса (Греция). Он обнаруживает неожиданное сходство между открытием выдающегося британского психоаналитика и духовным знанием, которое раскрывает в своих «Триадах» великий исихаст и богослов Христианской Православной Церкви св. Григорий Палама.

В последние годы развитие в психоанализе характеризуется все более широким использованием концепта Ложное Я. Данное понятие содержит в себе идею Истинного Я.

История

Понятие Ложное Я само по себе не является новым. В той или иной форме его можно встретить в описательной психиатрии и в некоторых серьезных религиозных и философских системах, где ему уделяется большое внимание. Очевидно, существует некое реальное клиническое состояние, которое заслуживает изучения и, следовательно, требует от психоанализа проявить интерес к его этиологии. Психоанализу предстоит ответить на следующие вопросы:

1. Каким образом возникает Ложное Я?
2. Какова его функция?
3. По каким причинам Ложное Я в некоторых случаях приобретает гипертрофированные или акцентированные формы?

---

* *Winnicott Donald* (1960) – «Ego distortion in terms of true and false self». In: *The maturational processes and the facilitating environment*. Hogarth Press, London, 1965; p.140–152.

4. Почему у некоторых людей система Ложного Я не получает развития?
5. Что может выступать в качестве эквивалентов Ложного Я в норме?
6. Каковы проявления того, что может быть названо Истинным Я?

Мне кажется, что идея Ложного Я, будучи, определенно, идеей, которая внушается нам пациентами, встречается, вместе с тем, в ранних формулировках Фрейда. Пожалуй, более всего это утверждение справедливо применительно к проблеме *различения* Истинного и Ложного Я. Я связываю ее с фрейдовским разделением Я на две части, одна из которых, центральная, приводится в действие инстинктами (или тем, что Фрейд называет сексуальностью – прегенитальной и генитальной), а другая целиком направлена вовне и связана с внешним миром.

Личный вклад

Мой личный вклад в исследуемую проблему обусловлен тем, что я в одно и то же время работал:

- а) как педиатр с матерями и их детьми, и
- б) как психоаналитик, чья практика включает небольшую серию пограничных случаев, лечение которых ведется средствами психоанализа. Особенность этих пациентов заключается в том, что они нуждаются в переживании – в рамках трансферных отношений – фазы (или фаз) глубокой регрессии к зависимости.

Мой профессиональный опыт заставляет меня признать, что зависимые или глубоко регрессивные пациенты могут научить аналитика в области раннего детства несравненно большему в сопоставлении с тем, что он способен получить посредством прямого наблюдения за младенцем или из общения с матерями, которые вовлечены в различные формы ухода за ребенком. В то же время клиническое соприкосновение с нормальным и аномальным опытом детско-материнских отношений не может не отражаться на теоретико-аналитических взглядах психотерапевта, поскольку все то, что происходит в трансфере (в регрессивных фазах каждого из пациентов), является формой детско-родительских отношений.

Я хотел бы сравнить свою позицию с позицией Гринакр (*Greenacre*), которая тоже на протяжении всей своей психоаналитической практики поддерживает тесный контакт с педиатрами. Она всегда утверждала, что каждая из этих сфер ее профессионального опыта оказывает влияние на то, как она оценивает другую.

Клинический опыт, полученный в психиатрии взрослых, также создает определенный эффект, позволяя психоаналитику обнаружить брешь, которая образуется между оценкой клинического состояния пациента и

пониманием его этиологии. В основе подобного разрыва лежит невозможность получить от самого психотического пациента, или от матери, или от других более независимых наблюдателей достоверную историю его раннего детства. Наши пациенты, регрессирующие в трансфере к глубокой инфантильной беспомощности, заполняют эту брешь, раскрывая те ожидания и потребности, которые присущи переживаемым ими фазам зависимости.

Эго-потребности и Оно-потребности

Необходимо подчеркнуть, что, поднимая тему удовлетворения потребностей ребенка, я не касаюсь удовлетворения инстинктов. В области, которую я изучаю, инстинкты пока еще не получили точного определения как нечто внутреннего в отношении младенца. Инстинкт в той же степени может быть и внешним, как, например, удар грома или толчок. Детское Эго наращивает свою силу, достигая в конечном счете состояния, при котором требования Оно начинают ощущаться как часть Я, а не как относящиеся к окружению. Когда развитие идет по этому пути, тогда Оно-удовлетворение делается существенным усилителем Эго, или Истинного Я. Однако в тех случаях, когда Эго еще не в состоянии включить в себя Оно-возбуждения и контейнировать вызванный ими риск, они могут оказаться травматическими. Переживаемая при этом фрустрация сохраняется вплоть до того момента, когда Оно-удовлетворение становится фактом.

Пациент сказал мне: «Ну, Вы просто-таки угостили меня тем хорошим обхождением, которое я непрерывно ощущаю здесь на протяжении всего часа». Он не мог выразить свое чувство более прямо, давая мне понять, что, поскольку я «накормил» его, он теперь, скорее всего, будет вынужден подчиняться, – и в результате в игру вступили защиты его Ложного Я. Возможен и другой вариант: он будет реагировать активно, отвергнув направленные на поддержку его интегрированности авансы с моей стороны и предпочтя им фрустрацию.

Еще один фактор представляется мне важным. Когда я периодически просматриваю записи, касающиеся пациента, который в настоящее время, будучи уже взрослым, находится на психиатрическом лечении, но в младенчестве и раннем детстве наблюдался у меня, то ясно понимаю, что признаки того психиатрического состояния, в котором он находится сейчас, можно было разглядеть в детско-материнских отношениях еще тогда. (Я исключаю детско-отцовские отношения из контекста, поскольку изучаю очень ранние феномены, которые затрагивают, прежде всего, отношения ребенка к матери, а если и к отцу, то лишь в качестве «другой матери». Отец сам по себе, будучи лицом мужского пола, на этой очень ранней стадии пока еще не становится для ребенка значимым.)

Пример: Наилучший пример, который я могу привести, – средних лет женщина с чрезвычайно успешным Ложным Я. Всю свою жизнь она смутно ощущала, что еще и не начинала жить, и всегда искала способа добраться до своего Истинного Я. Она еще продолжает свой анализ, который длится уже несколько лет. На первой фазе этого исследовательского анализа, которая заняла два или три года, я обнаружил, что имею дело с тем, что пациентка называла своим «Присматривающим Я», то есть с чем-то вроде Я-Смотрителя. Этот Смотритель преуспел в том, что он:

- 1) разузнал о существовании психоанализа;
- 2) пришел и опробовал анализ как возможность тщательного тестирования аналитика на предмет его надежности;
- 3) доставил пациентку на аналитическую сессию;
- 4) постепенно после трех или более лет анализа передоверил свою функцию аналитику (это было время глубокой регрессии, длящейся несколько недель, когда зависимость от аналитика достигла предельной степени);
- 5) кружил вокруг, подводя баланс «сбережениям» и возвращаясь к привычной для него функции сторожа, когда аналитик по тем или иным причинам (болезнь, отдых) отсутствовал;
- 6) окончательная судьба этого Я будет обсуждена позже.

Дальнейшее развитие этого случая делает для меня совершенно очевидной защитную природу Ложного Я. Его защитная функция заключается в том, чтобы прятать и охранять Истинное Я от чего бы то ни было. На этой основе становится возможной некоторая классификация Ложного Я.

1. *Крайний вариант.* Ложное Я выдает себя за Истинное, и со стороны именно оно обычно и воспринимается как настоящая личность. Между тем, в сфере рабочих и дружеских отношений, а также в целом ряде жизненных обстоятельств Ложного Я начинает ощутимо не доставать. Иначе говоря, в ситуациях, когда от человека ожидается, что он поведет себя как целостная личность, в Ложном Я неотвратимо обнаруживаются существенные провалы и изъяны. В этой крайней позиции Истинное Я остается полностью сокрытым.

2. *Менее крайняя позиция.* Ложное Я защищает Я истинное. При этом Истинное Я признается как потенциально существующее, и ему позволено скрытая жизнь. Это – чистейший пример клинического заболевания с позитивной целью, которая заключается в стремлении сохранить индивидуальность вопреки аномальному окружению. Этот случай позволяет расширить психоаналитические представления о ценности симптома для больного человека.

3. *Еще один шаг, приближающий к здоровью.* Ложное Я главной своей заботой считает поиск условий, которые дадут Истинному Я возмож-

ность уйти в самое себя. В случае, когда таких условий найти не удастся, оно должно воздвигнуть новую защиту против эксплуатации Истинного Я; если же верх одерживают сомнения, тогда клиническим результатом становится суицид. Суицид в этом контексте является деструкцией целостного Я во имя избежания аннигиляции Я Истинного. Когда суицид – единственная защита, оставшаяся у человека, чтобы избежать предательства своего Истинного Я, тогда уделом Ложного Я становится организация этого суицида. Конечно, подобный исход включает и его собственную деструкцию, но вместе с тем устраняет самую потребность продолжать свое существование, ибо в описанных условиях главная его функция – защита Истинного Я от оскорблений и поругания.

4. *Еще дальше по направлению к здоровью.* Ложное Я построено на идентификациях (как, например, в случае уже упоминавшегося пациента, чье детское окружение и реальная няня внесли много красок в организацию его Ложного Я).

5. *Здоровое состояние.* Ложное Я представлено хорошо налаженной структурой «политкорректного» социального поведения, предполагающей в нас способность в общественном месте не демонстрировать с излишней открытостью свои чувства. Во многом оно также служит нашей готовности к отказу от чувства собственного всемогущества и первичного процесса в целом, и вместе с тем – успеху в завоевании соответствующего места в обществе, которое никогда не может быть достигнуто или поддержано усилиями только одного Истинного Я.

До сих пор я придерживался границ клинического описания. Даже в этой ограниченной области познание Ложного Я очень важно. Например, важно, чтобы пациенты, обладающие ложной личностью, не направлялись для анализа к студентам, проходящим подготовку в области психоанализа. Диагноз «ложная личность» здесь более важен, чем диагнозы, устанавливаемые согласно принятой психиатрической классификации. То же и в социальной работе: точная постановка диагноза «ложная личность» позволяет избежать фрустрации, вызванной терапевтическим провалом, который в данном случае неизбежен, несмотря на кажущуюся надежность социальной работы, основанной на аналитических принципах. Но более всего такого рода диагностика важна при отборе студентов с целью подготовки в области психоанализа или социальной работы в системе психиатрических учреждений, то есть при отборе будущих специалистов, которые будут иметь дело с конкретными клиническими случаями. Хорошо организованное Ложное Я обычно связано с ригидностью защит, что почти наверняка станет серьезным препятствием роста студентов в ходе их обучения.

Интеллект и Ложное Я

Особого рода опасность возникает в результате связи, которая нередко образуется между интеллектуальным развитием и Ложным Я. Когда Ложное Я начинает приобретать все более четкие очертания у индивида с высоким интеллектуальным потенциалом, существует вероятность, что местом его обитания станет сознание этого человека, и тогда в нем начнет развиваться диссоциация между интеллектуальной активностью и психосоматической жизнью. (У здорового человека, как следует заметить, жизнь ума не становится сферой, куда индивид «сбегает», предавая забвению свое психосоматическое существование. Эта тема была подробно рассмотрена мной в статье «*Mind and Its Relation to the Psyche-Soma*», 1949a.)

Таким образом, мы оказываемся перед лицом двойной аномальности: (а) формируется Ложное Я с целью скрыть Я Истинное, и (б) со стороны индивида следует попытка решить личностные проблемы, используя свой развитый интеллект. В результате складывается весьма необычная клиническая картина, способная кого угодно с легкостью обмануть. Окружающие могут видеть со стороны только высокую академическую успеваемость, не подозревая о том, что «герой удачи» находится в состоянии самого настоящего дистресса, уже ощутив «фальшь» слагаемых своего успеха. И чем успешнее человек, тем более «поддельным» он себя чувствует. Когда такие люди, взамен ожидаемого подъема, вдруг начинают истреблять себя любыми способами, это вызывает настоящий шок у тех, кто питал по отношению к ним радужные надежды.

Этиология

То главное, благодаря чему рассматриваемые понятия стали представлять действительный интерес для психоаналитиков, связано с изучением путей, которыми Ложное Я развивается в самом начале, в детско-материнских отношениях, а также (что еще более важно) обстоятельств, которые не позволяют Ложному Я стать значимым фактором нормального развития.

Теория, связанная с этой важной стадией онтогенетического развития, обязана наблюдению образа жизни младенца-с-матерью (регрессии во взаимодействии «пациент-аналитик»), и, надо заметить, она не имеет никакого отношения к теории ранних механизмов Эго-защит, организованных против импульсов Оно, хотя частично два эти предмета, конечно, совпадают.

Для того чтобы утверждать релевантность процесса развития, необходимо принять в расчет поведение и отношение к ребенку его матери, поскольку в этой области зависимость не только совершенно реальна, но и близка к абсолютной. *Невозможно установить, что на самом деле происходит, если в поле зрения удерживать только ребенка, самого по себе.*

В поиске этиологии Ложного Я мы предприняли исследование стадии первых объектных отношений. Большую часть времени на этой стадии младенец не интегрирован и ни в какой момент времени не бывает интегрированным полностью; сцепление различных сенсорно-моторных элементов принадлежит тому факту, что мать держит ребенка на руках, иногда буквально, физически, все остальное время – фигурально. Периодически возникающие телодвижения младенца являются выражением спонтанных импульсов. Источник этих движений – Истинное Я; во всяком случае, на их основе можно говорить о существовании потенциального Истинного Я. Мы должны изучить способ, каким мать встречает это инфантильное всемогущество, выступающее в движениях (или сенсорно-моторном группировании). Таким образом, я связываю здесь идею Истинного Я со спонтанным движением. В этот период слияние подвижности с эротическими элементами является фактом развития индивида.

Роль матери

Необходимо изучить роль, которую играет мать, и, следуя этой задаче, я счел важным сравнить два экстремума. На одном из них она выступает как *достаточно хорошая мать*, на другом – как *недостаточно хорошая*. Вопрос теперь заключается в том, чтобы установить, что означает термин «достаточно хорошая».

Достаточно хорошая мать одобрительно встречает всемогущество младенца и до некоторой степени создает в нем это чувство. Причем, она осуществляет это неоднократно. Истинное Я начинает жить, получает жизнь посредством силы, которую слабому Эго младенца придает умение матери поддерживать любые выражения этого всемогущества.

Мать недостаточно хороша, если она не в состоянии поддержать всемогущество младенца и, более того, неоднократно подтверждает эту свою неспособность в ответ на новые его движения, заменяя их собственным жестом, посредством которого ребенку внушается чувство покорности, уступчивости, подчинения. Покорность младенца – это самая ранняя стадия Ложного Я и следствие материнской неспособности почувствовать потребности своего дитя.

Суть теории составляет убеждение, что Истинное Я становится живой реальностью не иначе, как в результате многократно повторяющегося успеха матери в ее попытках встретить спонтанные движения младенца или его сенсорные галлюцинации. (Это положение связано с идеей Sechehaye (1951), получившей отражение в термине «символическая реализация»). Данный термин играет важную роль в новой психоаналитической теории, однако он, все же, не вполне точен: действительно реаль-

ны как раз *движения и галлюцинации* ребенка, а его способность *использовать символ* является результатом.)

Таким образом, согласно моей формулировке, существуют две возможные линии развития.

В первом случае адаптация матери *достаточно хороша* и, как следствие, ребенок начинает верить в свое окружение, внешнюю реальность, которая возникает и действует, как по волшебству, таким образом (благодаря относительно успешной адаптации матери к движениям и потребностям младенца), что никогда не вступает в противоречие с чувством его всемогущества. И на этой основе ребенок может постепенно отказаться от всемогущества.

Истинному Я присуща спонтанность. Здесь заключена та точка, которая соединяет младенца с событиями во внешнем мире (ребенок может теперь начать наслаждаться *иллюзией* всемогущества, созидая и управляя, а затем он может постепенно подойти и к тому, что откроет иллюзорный элемент – факт игры и воображения). Так создается основа для символа, который поначалу выступает одновременно в *двух* ипостасях: как спонтанность и галлюцинация младенца и, вместе с тем, как внешний объект, созданный и максимально катексированный.

Между ребенком и объектом имеется некая вещь, некая активность или ощущение. В той мере, в какой это нечто соединяет ребенка с объектом (*viz.* материнский переходный объект), создается базис для символ-образования. С другой стороны, в той мере, в какой это нечто сепарирует, вместо того чтобы соединять, его функция, ведущая к символ-образованию, блокируется.

Во втором случае, который более специфическим образом связан с предметом нашей дискуссии, адаптация матери к галлюцинациям и спонтанным импульсам ребенка далеко не так совершенна, то есть *недостаточно хороша*. Процесс, ведущий к способности символ-использования, здесь даже не начинался (или оказался сломан, с последующим со стороны младенца отступлением и отказом от достижения превосходства).

Когда адаптация матери исходно недостаточно хороша, младенец, как можно ожидать, физически станет «мертвым», поскольку катексис внешних объектов не иницируется. Ребенок остается изолированным. Практически он продолжает жить, но жить не подлинным образом. Протест против того, что его насильственным путем ввергли в ложное существование, может быть обнаружен уже на самых ранних стадиях. В клинической картине в таком случае будут наблюдаться признаки раздражительности, нарушения пищевой и других функций. Клинически они иногда могут исчезать, но лишь затем, чтобы вновь появиться в более серьезной форме на более поздней стадии развития.

В этом втором случае, где мать не может адаптироваться достаточно хорошо, ребенок оказывается склоненным к уступчивости, податливости. Послушное Ложное Я реагирует на требования окружения и кажется, что ребенок принимает их. Посредством этого Ложного Я ребенок строит ложную сеть отношений, и при помощи интроекций оно даже приобретает вид реального существа, так что ребенок может расти, чтобы быть как мама, няня, тетя, брат или кто-либо еще, в зависимости от того, кто в данный момент доминирует на домашней сцене. Ложное Я несет и одну в определенном смысле позитивную, очень важную функцию, – скрывать, прятать Истинное Я, – которую оно осуществляет в соответствии с требованиями окружения.

В крайних случаях развития Ложного Я его противоположность – Я Истинное – столь хорошо припрятана, что спонтанность вообще перестает быть присущей жизненному опыту ребенка. Послушание становится главной чертой, с имитацией как основным занятием. В тех случаях, когда степень расщепления в личности ребенка еще не слишком велика, сохраняется возможность некоего подобия личностного существования посредством все той же имитации, и ребенок даже может играть специальную роль – роль Истинного Я, *как если бы оно существовало на самом деле.*

Таким образом оказывается возможным проследить момент происхождения Ложного Я. Как видно, оно вызвано к жизни функцией, которую теперь можно рассматривать как защиту, защиту против того, о чем невозможно и помыслить, а именно – против такого использования Истинного Я, какое должно привести к его уничтожению, или аннигиляции. Если Истинное Я когда-либо использовалось, но затем было подвергнуто аннигиляции, то речь может идти о ребенке, чья мать не только была «недостаточно хороша» (в смысле, указанном выше), но отличалась особой дразнящей непоследовательностью, будучи то хорошей, то плохой. Мать такого типа отличает являющаяся частью ее заболевания потребность погружать в состояние растерянности и внутренней неразберихи всех, кто контактирует с нею. Подобная черта может проявиться и в трансферной ситуации, когда пациент старается свести аналитика с ума (*Bion, 1959; Searles, 1959*). В известной степени это может разрушить последние остатки способности ребенка к защите своего Истинного Я.

Я попытался рассмотреть тему роли, которую выполняет мать, в своей статье «*Primery Maternal Preoccupation*» (*Winnicott, 1956*). Положение, которое я развивал в этой статье, заключается в том, что женщина, забеременев, постепенно достигает высокой степени идентификации со своим ребенком. Эта идентификация развивается в течение всей беременности, доходит до высочайшей точки к моменту родов и постепенно приостанавливается в своем развитии на протяжении ряда недель и месяцев после

рождения ребенка. Этот здоровый процесс, происходящий с матерью, влечет за собой два последствия, или два сопутствующих привнесения, имеющих ипохондрический и, вторичный по значению, нарциссический оттенок. То особое представление, которое я развиваю в данной статье, акцентируя роль матери в отношении ребенка, строится с учетом не только ее собственного психического здоровья, но и воздействий ближайшего окружения. В принципе мужчина, опираясь на определенную социальную установку, которая сама по себе является продолжением присущей ему от природы функции, имеет дело с внешней реальностью во многом ради женщины, и тем самым он дает ей почувствовать себя защищенной, позволяя на время заняться собой, центрироваться на себе. Диаграмма этого процесса напоминает диаграмму параноидной личности или семьи. Здесь уместна ссылка на описание, сделанное Фрейдом в 20-м году, – о живом пурье, воспринимающем своим корковым слоем раздражение¹...

Развитие данной темы не может быть продолжено в рамках настоящей статьи, но ее важность определяется тем, что позволяет нам лучше понять функцию матери. Эта функция ни в коей мере не является результатом некоего недавнего витка в развитии цивилизации, или свидетельством какой-либо особой утонченности и особого интеллектуального понимания. Нельзя считать достаточно приемлемой теорию, которая не учитывает факта, что матери во все времена исполняли эту функцию достаточно хорошо. Эта чрезвычайно важная материнская функция позволяет матери узнавать о самых ранних ожиданиях и потребностях ее ребенка и приносит ей чувство личного удовлетворения тем, что у нее такое легкое и спокойное дитя. Благодаря идентификации со своим ребенком она знает, как именно ей следует держать малыша на руках, чтобы он начинал свое существование, действительно существуя, а не просто реагируя. Такова исходная точка Истинного Я: оно не сможет стать реальным вне особого отношения со стороны матери, которое может быть определено посредством одного обобщающего слова – преданность².

Истинное Я

Понятие «Ложное Я» должно быть уравновешено определением того, что, соответственно, может быть названо Я Истинным. На самой ранней стадии Истинное Я является своего рода теоретической позицией, из которой вытекает значение спонтанного выразительного движения и лич-

---

¹ Д. Винникотт имеет здесь в виду работу З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» (1920 г.).

² На этом основании я назвал свою серию бесед с матерями «Обычная преданная мать и ее ребенок» – «*The Ordinary Devoted Mother and Her Baby*» (Winnicott, 1949b).

ная идея. Спонтанные движения – Истинное Я в действии. Только Истинное Я может быть созидательным и только Истинное Я может быть реальным. В то время как Истинное Я чувствует себя реальным, существование Ложного Я выступает в чувстве нереальности и пустоты.

Ложное Я, в тех случаях, когда оно успешно в своей функции, либо скрывает Я Истинное – либо изыскивает путь, дающий ему возможность начать жить. Подобная цель может быть достигнута любыми средствами, но мы имели возможность более близко наблюдать примеры, в которых чувство бытия реальным и имеющим ценность возрастало в процессе психотерапии. Моя пациентка, случай которой я уже приводил, подошла к концу своего весьма длительного анализа, оказавшись *в самом начале ее жизни*. Она не имела опыта подлинности, она не имела прошлого. Она начала с пятидесяти лет уже растроченной жизни, однако под конец чувствовала себя реально существующей, и поэтому хотела жить.

Истинное Я возникает на основе живых телесных функций, работы телесной ткани и органов детского организма, включая сердечную деятельность и дыхание. Оно тесно связано с идеей Первичного Процесса, поскольку исходно, в самом начале имеет место не реакция на внешние стимулы, но первичная функция. Нет такого уж большого смысла в формулировании идеи Истинного Я, если не преследовать в качестве цели лучшее понимание его антипода – Я Ложного, поскольку Истинное Я не делает ничего, кроме как собирает вместе фрагменты опыта переживания себя живым.

Постепенно степень искусности, или способности младенца к фальсификации, достигает такой степени, что будет вернее говорить, что Ложное Я прячет не столько Истинное Я, сколько внутреннюю реальность ребенка. К этому времени он уже обладает упрочившейся ограничивающей мембраной, внутреннее и внешнее пространства уже отличаются друг от друга, и он в значительной степени высвобождается из пут материнской заботы.

Важно отметить, что согласно сформулированной здесь теории, концепт индивидуальной внутренней реальности объектов начинает применяться к стадиям позже, чем концепт того, что мы называем Истинным Я. Последнее возникает сразу же с появлением начатков психической организации ребенка, и на этом этапе сводится не более чем к сумме проявлений его сенсорно-моторной жизнедеятельности.

Истинное Я быстро наращивает свою сложность и создает связи с внешней реальностью посредством естественных процессов, которые составляют процесс развития конкретного ребенка на протяжении определенного отрезка времени. Затем ребенок приобретает способность отвечать на стимулы, не испытывая травмы, поскольку стимул дублируется

во внутренней, психической реальности индивида. Кроме того, ребенок толкует все стимулы как проекции, но эта стадия наступает не всегда, или достигается лишь частично, или может быть завоевана и утрачена. Если эта стадия достигается, то ребенок теперь может удерживать чувство всемогущества, сохраняя его на одном уровне, даже когда он реагирует на факторы окружения, которые наблюдатель может рассматривать как, без сомнения, внешние по отношению к ребенку.

Каждый новый период жизни, в котором Истинному Я ничто серьезное не препятствует, имеет в результате усиление чувства бытия реальным, и с этим приходит растущая способность со стороны ребенка выдерживать два ряда явлений:

1) разрывы в непрерывности жизни Истинного Я (здесь можно увидеть, насколько травматичным мог быть процесс рождения, как, например, в случае, когда имела место его задержка);

2) реактивный опыт или опыт Ложного Я, связанный с такими отношениями с внешней средой, которые строятся на основе уступчивости и податливости. Он становится частью ребенка, которого можно научить говорить «Да», или, другими словами, обучить признавать существование окружающего, принятого на чисто интеллектуальном уровне. Чувство признательности может сопутствовать этому, а может и не сопутствовать;

3) нормальный эквивалент Ложного Я.

Таким образом, путем естественных процессов, ребенок развивает адаптированную к окружению Эго-организацию. Однако данное развитие не происходит автоматически, само собой, и на самом деле может иметь место только в том случае, если сначала подлинно реальным станет Истинное Я (как я это называю), проистекающее из достаточно хорошей адаптации матери к жизненным потребностям ребенка. В нормальных условиях Истинное Я может обладать таким качеством, которое помогает ребенку не ставить себя под удар и при определенных обстоятельствах проявлять послушание, уступчивость. Способность к компромиссу – это признак здоровья. В условиях нормального развития своего рода эквивалент Ложного Я может проявляться в каких-либо социальных формах, в чем-то таком, что является адаптивным. Для здорового ребенка такие социальные средства адаптации представляют собой компромисс. Однако компромисс перестает быть возможным, если внутренняя свобода личности оказывается под угрозой. И когда дети вступают в критический период своего развития, компромисс в их глазах становится неприемлемым. Когда события приобретают такой характер, Истинное Я в состоянии одолеть ложное, послушное Я. С клинической точки зрения подобный конфликт отражает суть вечной проблемы подросткового возраста.

Степени Ложного Я

Если принять описание этих двух полярностей и их этиологию, то можно предусмотреть в нашей клинической работе возможность как низкой, так и высокой степеней защиты со стороны Ложного Я. Его можно ранжировать от общепринятой вежливости как аспекта Я до действительно отщепленного исполнительного, послушного Ложного Я, которое является неблагоприятным для ребенка как целостности. Легко понять, что иногда защита Ложного Я может формировать основу для своего рода сублимации, когда ребенок растет, чтобы, к примеру, быть актером. Что касается актеров, то среди них немало таких людей, кто способен оставаться самим собой и в то же время быть активно включенным в свою работу, свои роли. Но есть и другие, кто готов только работать, чувствуя себя полностью потерянными, когда они не в роли и когда им никто не аплодирует (то есть не дает осязаемого подтверждения того, что они действительно существуют).

В здоровом индивиде, чье Я характеризуется уступчивостью, но кто при этом проявляет себя как созидательное и спонтанное существо, можно обнаружить способность к использованию символов. Другими словами, здоровье здесь оказывается тесно связанным со способностью индивида органично жить в сфере, которая является переходным звеном между мечтой и реальностью и называется культурной жизнью. (См. *«Transitional Objects and Transitional Phenomena»*, 1951). По контрасту, там, где существует высокая степень раскола между Истинным и Ложным Я и где Ложное Я скрывает Я Истинное, отмечается низкая способность к использованию символов и бедная культурная жизнь. В таких людях можно наблюдать крайнее беспокойство, неспособность к концентрации, потребность копить свои столкновения с внешней реальностью, так что все жизненное время индивида может быть поглощено реакциями на эти события.

Клиническое применение

Выше уже была сделана соответствующая ссылка на особую важность определения личности, обладающей Ложным Я, в условиях, когда устанавливается диагноз с целью последующего лечения или когда имеет место оценка кандидата на ту или иную должность в сфере психиатрической или социальной работы.

Следствия для психоанализа

Если рассмотренные выше положения действительно представляют ценность, тогда они могут повлиять на практикующих психоаналитиков в следующих отношениях:

а) В ходе анализа Ложной Личности должно твердо соблюдаться правило: вести разговор с Ложным Я пациента аналитик может только по поводу его Истинного Я. Здесь уместна аналогия с ситуацией, когда ребенка приводит на сеанс няня, и аналитик сначала обсуждает проблемы ребенка с нею, сам же ребенок некоторое время остается в стороне. Аналитик не начинает с ним работу до тех пор, пока няня не оставит его с аналитиком, и только оставшись с аналитиком наедине, ребенок начинает играть.

б) Когда аналитик вступает в контакт с Истинным Я пациента, неизбежно должен наступить период крайней зависимости последнего. Часто этот момент пропускается в аналитической практике. Пациент вдруг заболевает или каким-то иным способом дает аналитику шанс принять на себя функцию его Ложного Я. Аналитик же в этот ответственный момент обнаруживает полное непонимание того, что происходит, и в результате появляются другие, кто готов проявить «заботу» о пациенте и от кого он становится зависим в период скрытой регрессии к зависимости. Возможность оказывается упущенной.

с) Аналитик, который не готов взвалить на себя обременительные потребности пациентов, чувствующих зависимость, должен озаботиться тем, чтобы отобрать для себя случаи, которые не включают типы Ложного Я.

В психоаналитической практике нередко случается, что анализ протекает вяло, неопределенно, ему не видно конца, и все это лишь потому, что он строится на основе работы не с Истинным, а Ложным Я. В одном из случаев, где пациент прежде, чем появиться у меня, имел уже опыт длительного анализа, моя работа с ним реально началась только тогда, когда я дал ему понять, что осознаю его не-бытие. Он заметил, что годы всей той «хорошей работы», которая целиком заполняла его жизнь, прошли впустую – по единственной причине: он выполнял ее, веря, что действительно существует, в то время как его существование было всего лишь видимостью. Когда я сказал ему, что осознаю его псевдо-существование, он почувствовал, что с ним впервые вступили в подлинное общение. Это означало, что его Истинное Я, которое с самого раннего детства было надежно спрятано, теперь вступило в общение тем единственным образом, который не был опасен. Это типичный случай, когда данное понятие влияет на психоаналитическую работу.

Я уже обращался к некоторым другим аспектам этой клинической проблемы. Например, в «*Withdrawal and regression*» (1954) я проследил в процессе лечения одного мужчины эволюцию (в рамках трансферных отношений) моего контакта с его Ложным Я (в версии пациента) на основе и через посредство моего первого контакта с его Я Истинным. В конечном счете мы пришли к анализу, в котором установились честные, пря-

мые и откровенные отношения. В этом случае контакт должен был быть конвертирован в регрессию, что и было описано в этой статье.

Можно сделать вывод, что в нашей аналитической практике, связанной со сферой Ложного Я, мы, благодаря распознаванию псевдо-существования наших пациентов, достигли большего прогресса, чем в длительной аналитической работе, основанной на механизмах Эго-защит. Ложное Я пациента может неограниченно сотрудничать с аналитиком в анализе защит, так сказать, подыгрывая ему. Эта неблагодарная работа оправдана только тогда, когда аналитик может указать пациенту, со всеми сопутствующими деталями и уточнениями, на отсутствие в нем некоей существенной черты: «У вас нет рта», «Вы еще не начинали жить», «Физически Вы – мужчина, но Ваш опыт не дал Вам знаний о мужественности» и пр. Признание важного факта, сделанное в нужный момент, открывает путь к коммуникации с Истинным Я. Один из пациентов, который в прошлом имел опыт неудачного анализа, построенного на Ложном Я, и который охотно кооперировался с аналитиком, полагавшим, что имеет дело с целостным Я, сказал мне: «Единственный раз, когда я почувствовал надежду, – это когда Вы сказали, что не видите никакой надежды, и продолжили анализ».

На основе всего этого можно заключить, что Ложное Я, подобно множественным проекциям на более поздних стадиях развития, вводит аналитика в заблуждение, если он, ничего не подозревая, рассматривает его как целостно функционирующую личность. Между тем, Ложному Я, как бы хорошо оно ни было организовано, все-таки всегда чего-то главного не достает, и это «что-то» есть центральный и неотъемлемый элемент создающей подлинности.

Многие другие аспекты применения данного концепта будут представлены по мере течения времени, и не исключено, что само понятие при этом подвергнется модификации. Мой вклад в эту тему (связанную с работой и других аналитиков) заключается в убеждении, что это новое понятие – Ложное Я, скрывающее Истинное Я, – наряду с теорией его этиологии окажет важное влияние на психоаналитическую практику. Насколько я понимаю, это не предполагает каких-либо существенных изменений в основной теории.

Перевод с англ. *Т.В.Снегиревой*
Редакция *Е.В.Загородной*